

Секретарь, услышав наверху подозрительный шум, позабыла и о приличиях, и о том, что время близилось к глухой ночи. Плевать ей было и на строгий запрет Не Чжэна появляться вне спальни в домашней одежде, — наспех набросив халат, она бросилась вверх по лестнице. Тун Янь уже успел зарекомендовать себя как мастер влипать в неприятности, а Не Чжэн к тому же сегодня выпил. Не хватало только нового скандала.

Вбежав в комнату, она застыла на пороге.

Не Чжэн, уже переодевшись в домашний костюм, сидел на диване у стены. Лицо его было темнее тучи. А Тун Янь, одетый на удивление прилично и аккуратно, стоял у окна с самым благодостным видом и вдохновенно декламировал... «Восемь добродетелей и восемь пороков»! Опять!

Что здесь, черт возьми, происходит?

Когда прозвучал последний слог, в спальне воцарилась тяжелая, звенящая тишина. Атмосфера была настолько наэлектризованной, что воздух казался осязаемым. Секретарь рассудила так: раз босс молчит и не мечет грома и молнии, значит, катастрофы не случилось. Она уже собиралась тихонько ускользнуть к себе, как вдруг услышала ледяной голос Не Чжэна:

— Раз уж нам придется жить под одной крышей, давай сразу установим правила.

Тун Янь на мгновение растерялся, но ни страха, ни обиды на его лице не отразилось.

— Я весь внимание.

— Первое, — отчеканил Не Чжэн, и голос его прозвучал угрожающе тихо. — Забудь дорогу к моей постели.

Секретарь мысленно застонала. «Опять?! Неужели он снова пытался к нему залезть? Ну что за упорство, достойное лучшего применения!»

Давление в комнате продолжало падать.

— Второе, — безжалостно продолжил Не Чжэн. — Держись от меня как минимум в полуметре.

Секретарь покачала головой. Босса явно довели до крайней точки. Она никогда не видела, чтобы Не Чжэн выговаривал кому-то столь резко и недвусмысленно.

И тут же раздался вкрадчивый голос Тун Яня:

— А если я... случайно нарушу? Ну... исключительно по неосторожности?

Сквозняк, ворвавшийся в приоткрытое окно, заставил секретаря поежиться, а в ушах у нее буквально зазвенело. «Вот уж воистину безумству храбрых поем мы песню! — подумала она. — Оказаться в таком положении и все равно торговаться... Он что, серьезно просчитывает цену риска?»

Ответ Не Чжэна повеял холодом арктических широт:

— А ты попробуй.

Бесполезно. Абсолютно бесполезно. Секретарь готова была поставить годовое жалованье на то, что в голове у этого мальчишки сейчас крутилась лишь одна мысль: «Попробую — и попробую!»

Утро подтвердило ее догадку на все сто процентов.

Отыграв привычные полчаса в бассейне, Не Чжэн завершил последний круг, вынырнул и смахнул воду с лица. Но стоило ему открыть глаза, как он наткнулся на сияющий взгляд Тун Яня. Мальчишка сощурился в довольной улыбке:

— Доброе утро, господин Не!

В руках он держал махровый халат. Не Чжэн, подтянувшись на поручнях, вышел из воды и одарил его ледяным взглядом. Тун Янь тут же сообразил, в чем дело, послушно отступил на положенный шаг и, вытянув руки, протянул халат:

— Держите.

Против искренней улыбки сложно идти войной — это истина старая как мир. Не Чжэн прекрасно понимал, какой Тун Янь пройдоха, но когда перед тобой так заискивает парень, который младше тебя на добрый десяток лет, злиться становится трудно. Проявлять излишнюю суровость к его услужливости казалось глупым, так что гнев Не Чжэна угас, толком не успев разгореться.

Он молча забрал халат, набросил его на плечи и затянул пояс. Лицо его по-прежнему выражало полное равнодушие, однако перед тем, как уйти, он все же выдавил сухое «спасибо».

Тун Янь тенью последовал за своим покровителем. Разумеется, строго соблюдая предписанную дистанцию в полметра.

И не стоит спрашивать, почему после вчерашней жесткой головомойки он, едва проснувшись, снова увивался вокруг Не Чжэна. Ответ очевиден. Обижаться на холодность, дуться и демонстративно избегать друг друга — это удел влюбленных парочек после мелкой ссоры. Если бы Тун Янь, живя здесь, возомнил себя кем-то важным для своего спонсора, это было бы верхом глупости.

Ему нужно пробиться наверх, а для этого приходится угождать боссу. Если у хозяина плохое настроение — что ж, можно и моральный кодекс зачитать, и громоотводом поработать, от него не убудет. В этом мире ничего не дается даром. В конце концов, если цель — угодить Не Чжэну, то какая разница: греть постель или декламировать «Восемь добродетелей и восемь пороков»?

Правильно, никакой.

Безумная первая ночь осталась позади, но впереди был рабочий день в одном здании.

Съемки нового фильма режиссера Лю стояли на пороге, и Тун Яню требовалось привести себя в безупречную форму, так что тренировки по пластике отменять никто не собирался.

Едва Не Чжэн сел в представительский седан, как заметил в углу гаража Тун Яня, деловито выкатывающего велосипед. Немного подумав, он бросил секретарю:

— Пусть садится к нам.

После вчерашнего инцидента слухи об их связи наверняка уже расползлись по всей компании. Пытаться теперь демонстративно ездить по отдельности было бы чистой воды ханжеством.

Так большой босс и мелкая сошка поехали в офис в одном автомобиле.

Шофер распахнул дверцу. Не Чжэн шагнул на асфальт и направился к главному входу, а за ним, цокая каблуками, засеменила секретарь.

Не успели они пройти и пары метров, как сзади донесся звонкий юношеский голос:

— Господин Не!

«Господин Не, господин Не, господин Не...» — у Не Чжэна от этого обращения уже начинала раскалываться голова.

В следующий миг Тун Янь налетел на него теплым вихрем:

— Господин Не, хорошего дня!

Поймав момент, когда никто не видит, мальчишка ухитрился соорудить ему глазки — да так кокетливо, будто хотел растопить весь лед этого хмурого утра.

А все потому, что в холле их уже поджидал директор Чжэн. На его лице так и читалось предвкушение знатного зрелища. Пожалуй, он ждал не просто Не Чжэна, а именно их совместного появления.

Пока Тун Янь остался ждать общий лифт, директор Чжэн скользнул вслед за Не Чжэном в кабину экспресса. Едва двери сомкнулись, он не выдержал и прыснул, содрогаясь от безмолвного смеха.

Не Чжэн сохранял олимпийское спокойствие, его лицо напоминало маску профессионального гробовщика.

— Надо же, всего одна ночь, а какой эффект! — издевательски протянул Чжэн Чжаохуа. — Ну и как мне это понимать? Это у нас неудовлетворенность говорит или, наоборот, бурное излишество?

Не Чжэн бросил взгляд на свое отражение в зеркальной стене лифта. Под глазами действительно залегли отчетливые тени. Прошлой ночью он и впрямь почти не сомкнул глаз. Его отказ от случайных связей был вопросом твердых принципов, но с мужским здоровьем у него все было в полном порядке. А для любого нормального мужчины после подобной ночной встряски бессонница — дело вполне естественное.

Вспомнив о делах, Не Чжэн спросил:

— Съёмки через месяц. До этого времени у тебя для него ничего не запланировано?

Чжэн Чжаохуа прищурился с усмешкой:

— Для кого именно?

Лифт звякнул, сообщая о прибытии. Не Чжэн недовольно поджал губы и стремительно направился к своему кабинету.

Директор Чжэн решил не перегибать палку и посерьезнел, шагая следом:

— До этого Тун Янь перебивался лишь грошовыми эпизодическими ролями. Я планирую посмотреть на его игру у режиссера Лю, а уже потом решать, куда его двигать. Это вопросы сугубо профессиональные, так что даже тебе, как владельцу компании, вмешиваться не положено.

— И отлично, — согласился Не Чжэн.

«Отлично» означало лишь то, что целый месяц у парня будет куча свободного времени, чтобы практиковаться на нем в соблазнении и заставлять его гормоны бурлить при каждом удобном случае.

Перед тем как уйти, Чжэн Чжаохуа добавил полушутя:

— А вообще, отпустил бы ты его. Поверь, даже если этот пацан сбежит на Южный полюс, Лао Не его из-под земли достанет. Гадко все-таки, когда старый распутник ломает парню жизнь. Спаси душу парня, тебе зачтется.

Не Чжэн промолчал. Это был последний раз, когда он уступил воле матери.

Тун Янь в этот день сполна прочувствовал, каково это — взлететь из грязи в князи. Раньше коллеги по стажировке косились на него с опаской из-за его дерзкого нрава, но теперь все кардинально изменилось: лесть лилась рекой.

Около десяти часов, когда они занимались в репетиционном зале, один из парней побежал за сигаретами и мимоходом прихватил для него спортивный напиток. Во время перерыва он с угодливой улыбкой откупорил бутылку и протянул Тун Яню.

Приятно, конечно, когда тебя начинают уважать. Но уважение, купленное слухами о роли постельной игрушки, отдавало гнильцой. К тому же сам Тун Янь лебезил перед Не Чжэном ради продвижения, а эти-то чего перед ним выстилаются? Какая им выгода?

Тун Янь взял бутылку, сделал пару глотков, а потом достал из кармана купюру и небрежно бросил парню, ухмыльнувшись:

— Спасибо, дружище. Только больше так не делай. Оставь свое рвение для работы, пригодится.

Это была чистая правда: он все равно ничем не мог им помочь. Все они сидели в одной яме, один несчастнее другого. Тешить свое эго за счет таких же бедолаг казалось ему последним делом.

Впрочем, к «Белому цветку» это не относилось. Тун Янь прекрасно помнил вчерашнюю подставу.

И не надо говорить, что тот сделал это случайно. В обеденный перерыв к нему заглянул директор Чжэн и после пары дежурных фраз спросил напрямую:

— Кстати, кто вчера надоумил тебя заявиться на банкет к Не Чжэну?

Тун Янь сразу смекнул, откуда ветер дует. В душе он уже поклялся придушить этого гаденыша Белого цветка при первой возможности. Но правила выживания в их серпентарии были просты: со своими крысами он разберется сам. Поэтому он лишь небрежно отмахнулся:

— Да сам дорогу нашел, кто еще.

Тем временем Белый цветок наконец нашел лазейку, чтобы засвидетельствовать свою преданность Не Чжэну.

После того как Тун Янь так лихо просочился в постель босса, секретарь была начеку. Стоило очередному пронице переступить порог кабинета, как она демонстративно принялась перебирать папки у шкафа, наотрез отказываясь уходить.

Похоже, Не Чжэн и сам не хотел давать повод для новых слухов, а потому не стал отсылать помощницу.

В итоге Белому цветку пришлось выкладывать все при свидетеле. Он во всех красках расписал, как они с Тун Янем в обход контракта выступали в клубе, а потом свалили вину на беднягу импресарио Хуана.

Не Чжэн в свое время ловко использовал этот инцидент, чтобы руками директора Чжэна вычистить из компании нечистых на руку сотрудников. Теперь, когда буря улеглась, у него был готов взвешенный ответ.

Выслушав чистосердечное признание Белого цветка, Не Чжэн строго произнес:

— Твой прежний агент действительно шантажировал других стажеров, так что директор Чжэн принял верное решение. Что касается тебя — ты совершил ошибку, но искренность похвальна. Надеюсь, подобное не повторится.

Белый цветок растерялся и тут же зачастил:

— Значит, Тун Янь тоже принуждали?.. Получается, я зря на него думал. Признаться, все эти дни я жутко злился на него за то, что он втянул меня в эту авантюру. Но больше всего я, конечно, виню себя за минутную слабость.

Секретарь, стоявшая у шкафа, едва сдержала усмешку. «Какая дешевая игра! Стоило открыть рот — и вся гниль наружу».

Не Чжэн не стал давать оценок, лишь сухо обронил:

— Самокритика — полезное качество. Хорошо, я тебя услышал.

Это был явный намек, что аудиенция окончена, но Белый цветок продолжал изливать душу:

— Я мучился много дней, прежде чем решиться на этот разговор. Отец с детства твердил мне, что честное имя дороже всего. Пусть меня даже внесут в черный список, я не могу предать свои принципы. Я понял: потерять себя гораздо страшнее, чем не добиться успеха. Я...

Секретарь мысленно вздохнула. «Да уж, измельчало нынче племя».

Тун Янь, конечно, тот еще мерзавец — беспринципный, готовый на все. Но при всей своей наглости он хотя бы четко понимал свое место. Что это значит? Если Не Чжэн не спрашивал его мнения, Тун Янь помалкивал, а обращаясь к нему, никогда не забывал вежливое «господин Не». Он понимал, кто здесь главный и вокруг кого должен крутиться разговор.

А этот персонаж оказался не просто подлецом, но еще и набитым дураком. Пытаясь втереться в доверие к боссу, он только и делал, что выпячивал собственное эго. «Я, я, я»... Да с какой стати Не Чжэну должны быть интересны его душевные терзания? Оба они пытались пролезть в чужую постель, но Тун Янь хотя бы не строил из себя праведника. Белый цветок мало того что предал товарища, так еще и натянул на себя белые одежды благодетеля. Пытаться разыгрывать моральное превосходство перед Не Чжэном — это все равно что учить рыбу плавать.

«Шел бы ты отсюда, мальчик, — подумала секретарь, — и не позорился».

В этот вечер Не Чжэн снова задержался на деловой встрече и вернулся домой уже за полночь.

Едва машина остановилась, как навстречу ему, точно заведенный, выскочил Тун Янь. Лицо его так и сияло от радости.

— Господин Не! — восторженно позвал он.

Не Чжэн, отлично знавший повадки этого проныры, лишь хотел сохранить видимость приличий. Настраиваться на душевный лад у него не было ни сил, ни желания, поэтому он лишь сухо угукнул и прошел в дом.

Он намеревался сразу подняться к себе и отгородиться от назойливого парня, но по пути через гостиную заметил, что у плетеного торшера в углу растрепалось основание — пара прутьев выбилась наружу.

Подойдя ближе, он осмотрел поломку. Работа была плевая. Не обращая внимания на поздний час, Не Чжэн скинул пиджак, закатал рукава рубашки и принялся за ремонт.

Тун Янь крутился рядом, заглядывая под руки:

— Господин Не, вы и это сами сделали?

— Да.

Тун Янь отреагировал точь-в-точь как в прошлый раз, разве что чуточку сдержаннее:

— Ну надо же, золотые руки.

В его глазах заплясали шальные искры, превращая взгляд в лукавый и дразнящий.

Не Чжэн почувствовал себя так, словно его только что беспардонно прощупал взглядом восемнадцатилетний мальчишка. Он с силой вогнал упрямый прут в паз, отложил инструмент и, сохраняя абсолютное спокойствие, сел на диван.

— Присядь, — обратился он к Тун Яню. — Нам нужно поговорить.

Увидев эту внезапную серьезность, Тун Янь внутренне подобрался. Весь его игривый настрой мигом улетучился, и он послушно опустился в кресло напротив.

Взгляд Не Чжэна стал тяжелым и проницательным:

— Расскажи о себе. Даже если у тебя нет ролей, компания не запрещает подрабатывать на стороне, чтобы свести концы с концами. Главное — не вредить своей репутации публично. Почему ты пошел на прямое нарушение контракта и устроился выступать в баре? И только не надо снова валить все на агента.

«Значит, он все знает... — пронеслось в голове у Тун Яня. — Ну все, приехали. Решил устроить разбор полетов».

Мальчишка захлопал ресницами, лихорадочно соображая: какой ответ устроит его покровителя?

— Говори правду! — резко оборвал его сомнения Не Чжэн.

Тун Янь сдался:

— Да потому что торговать лицом и кривляться на сцене — это самые легкие и быстрые деньги! С какой стати я должен гробить здоровье на тяжелой работе, если могу зарабатывать так?

«Вот это уже ближе к истине», — подумал Не Чжэн.

То, что Тун Янь в столь юном возрасте пытался тянуть на себе семью, вызывало у Не Чжэна уважение и даже каплю жалости. Но какими бы ни были обстоятельства, характер у парня был изрядно подпорчен.

Все эти его попытки запрыгнуть в постель, заискивание и незаконные выступления на сцене преследовали одну цель. Он искал легкие пути, шел напролом, совершенно не думая о последствиях и перспективах. К тому же характер у него был на редкость строптивый.

Но теперь ситуация прояснилась. Не Чжэн на мгновение задумался, а когда снова посмотрел на Тун Яня, его тон заметно смягчился. Он заговорил как умудренный опытом наставник:

— В бар ты больше не вернешься. А значит, целый месяц просидишь без копейки. Это неправильно.

Тун Янь, окончательно сбитый с толку этими резкими переменами настроения своего патрона, замер. Первая мысль, которая пришла ему в голову — Не Чжэн собирается выписать ему чек.

Но он ведь связался с ним исключительно ради карьеры. Полученной авансовой выплаты его семье пока хватало, так что просить наличные у спонсора он не планировал.

— Ой, да не нужно... — начал было он.

Но Не Чжэн бесцеремонно прервал его:

— Наша экономка уже немолода. Раз уж ты все равно свободен, будешь помогать ей по хозяйству.

Тун Янь лишился дара речи. «Вот уж действительно — все строго по расчету».

Впрочем, делов-то. Подумаешь, уборка. Какая разница — драить полы, греть постель или цитировать лозунги? Главное, чтобы покровителю нравилось.

Он согласно кивнул:

— Договорились!

Раз уж он рассчитывал только на протекцию, жить на всем готовом и при этом кланчить деньги за мелкие поручения казалось ему верхом наглости. Он как раз собирался заявить, что платить ему не нужно, но Не Чжэн уже развернулся и направился к лестнице, бросив на ходу:

— Вот и славно. На том и порешим.

Не Чжэн искренне полагал, что нашел идеальное решение. Во-первых, у Тун Яня было слишком много лишней энергии. Если занять его делом, у него просто не останется сил строить ему глазки после тренировок.

Во-вторых, это был проверенный временем метод: трудовое перевоспитание трудного подростка.

Сам Не Чжэн лет в девять был тем еще сорванцом — мог без спросу залезть на крышу и разобрать черепицу. Но стоило Чжао-лао отправить его отрабатывать провинности в оранжерею, как всю дурь из него мигом вышибло.

Трудотерапия для заблудшей души — безотказное средство.

Однако реальность быстро скорректировала его планы.

На следующее утро Тун Янь снова преданно ждал его у бассейна с халатом в руках. После завтрака парень куда-то испарился, но стоило Не Чжэну открыть дверь кабинета, как он буквально ослеп от представшего взору зрелища.

Тун Янь успел полностью сменить образ. Белоснежная рубашка, застегнутая на все пуговицы до самого горла, и строгие черные брюки идеально облегли его стройную фигуру. Поверх был надет аккуратный фартук, туго стянутый на тонкой талии. Он стоял прямо, как струна, воплощая собой классический образ из эротических фантазий об услужливом персонале.

Чтобы соответствовать этому строгому и манящему образу, Тун Янь замер у массивного книжного шкафа темного дерева, напоминая изысканную картину старого мастера. На глазах у Не Чжэна этот «персонаж» аккуратно вернул книгу на полку, вежливо склонил голову и

одарил его долгим, полным скрытого томления взглядом:

— Господин Не...

Не Чжэн онемел. Ну и что тут скажешь?

Обвинить его в лени? Язык не повернется. Мальчишка, бог весть в каком часу вставший, трудился не покладая рук — весь дом уже сиял безупречной чистотой.

Отчитать за вызывающий наряд? Стремление выглядеть привлекательно вполне естественно. Пусть даже его истинные намерения шиты белыми нитками.

«Господин Не, господин Не, господин Не...» — у Не Чжэна снова заныли виски.

Когда парень наконец оставил его одного, Не Чжэн устало потер переносицу. Ладно, нужно запастись терпением. Перевоспитание — процесс долгий и тернистый.

Вдруг за окном раздался негромкий щелчок. Веко Не Чжэна нервно дернулось. Он поднял голову, но за стеклом лишь мирно качались ветви деревьев. Мужчина облегченно выдохнул.

На мгновение ему показалось, что за окном сейчас покажется бесстыжая обезьяна, зацепившаяся хвостом за сук и висящая вниз головой.

И у этой обезьяны непременно будет лицо Тун Яня, который, подмигнув ему, лукаво позовет: «Господин Не...»

<http://bllate.org/book/18307/1755436>